

УДК 355.402(470+571:5 –11) «18»

С. А. Фалько

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КИТАЕ (1881 – 1894 ГГ.)

Военная разведка – важный элемент государственной системы любой страны. Изучение сложнейших процессов ее становления представляет значительный интерес для науки, в свете возрастающего значения этого направления деятельности государства, позволяющего корректировать внутреннюю и внешнюю политику страны.

Во второй половине XIX в. важным звеном в разведывательной деятельности в России являлись военные агенты (атташе) – официальные лица, содержащиеся за границей с целью информирования Военного министерства об изменениях в армии и военном управлении страны, в которой они находились. Историю деятельности русских военных агентов в Китае во второй половине XIX в. справедливо можно отнести к одному из малоизученных вопросов в современной исторической науке. Среди исследований, посвященных истории военно-дипломатической службы России, нет работ, охватывающих указанный период и регион. Авторы, изучающие деятельность легальных военных агентов России в Китае, как правило, освещают десятилетие, предшествующее войне России с Японией в 1904–1905 гг. Это относится к труду авторского коллектива во главе с Е. Примаковым [1], работам Е. В. Добычиной [2], В. Б. Каширина [3], М. Н. Алексеева [4]. Не осталась вышеназванная тема и без внимания азиатских и американских ученых [5].

Целью статьи является изучение процесса становления военно-дипломатической службы России в Китае в 1881–1894 гг., а также выяснение роли военных агентов в сборе разведывательной информации о военных возможностях Цинской империи.

В XIX в. служба разведки Российской империи сосредоточивалась, главным образом, в двух ведомствах: военном и дипломатическом [6, с. 23]. МИД имел за рубежом свою платную агентуру и тратил на нее довольно солидные суммы. Через нее он добывал секретные сведения дипломатического и политического характера. Этой разведкой руководил в центре департамент политических дел МИДа, а за рубежом – дипломатические представители – послы и консулы [7, с. 108].

До открытия в 1861 г. постоянных внешнеполитических представительств России на Дальнем Востоке духовная миссия в Пекине являлась единственным поставщиком информации о политической ситуации в регионе, в том числе и источником разведывательной информации о Китае для Военного министерства

России. Точно охарактеризовали роль русской духовной миссии в период отсутствия в Китае представительств МИДа России слова офицера Генерального штаба (ГШ) И. Ф. Бабкова: «... духовная миссия служила рассадником людей, занимавших важные и ответственные должности наших представителей в Китае... и была образовательным учреждением для всестороннего изучения этой страны» [8, с. 127]. Получение от духовной миссии из Пекина информации разведывательного характера подтверждали и служебные документы, оказавшиеся в архиве военного ведомства, посвященные поездке через Маньчжурию в 1870 г. архимандрита Палладия [9, л. 73].

С момента учреждения дипломатической миссии в Пекине в 1861 г. информация о военных силах Китая стала поступать в Петербург по каналам МИДа [10, л. 8–9]. Так, уже в июле 1862 г. российский представитель в китайской столице Л. Ф. Баллюзек информировал о реформах в китайской армии и участии в них английских инструкторов [11, с. 241]. В 1864 г. в районе Пекина насчитывалось около 30 тыс. маньчжурских и китайских солдат, обученных европейскому строю. Об этом докладывал в МИД русский посланник А. Г. Влангали в июне 1865 г. [12]. Во время дипломатических кризисов количество информации резко увеличивалось. Так было в период мусульманского восстания 1864–1878 гг. в западных провинциях Китая и во время Кульджинского кризиса 1879–1881 гг.

Вместе с тем добытые дипломатами материалы не всегда несли конкретную информацию об организационных преобразованиях в войсках Китая, дислокации наиболее боеспособных соединений, планах относительно хода военных действий в случае возможной войны с Россией [13, л. 1]. Этот аргумент использовал руководитель Военно-Ученого комитета Главного штаба (ВУК) генерал Ф. А. Фельдман – глава русской военной разведки, отмечая в своем донесении военному министру: «Качество поступающей из МИД информации не может удовлетворить наши требования» [14, л. 6].

В дальнейшем события вокруг возвращения Китаю Кульджинской области в 1879–1881 гг. подтолкнули Главный штаб к созданию официальной агентуры военного ведомства в Поднебесной. Усложнение военного дела, связанное с появлением новых видов вооружений во второй половине XIX в., привело к эволюции военного искусства и к снижению ценности МИДовской информации. Дипломаты были недостаточно подготовлены для сбора разведывательных материалов военного характера.

В Европе в середине XIX в. Военное министерство России предпринимало попытки, минуя МИД, создать собственную систему получения информации военного характера из-за границы. После Крымской войны в европейские столицы и Константинополь были направлены шесть российских военных агентов [1, с. 151].

В Азии реакцией Главного штаба на недостатки в организации сбора информации военного характера, проявившиеся в 1879–1881 гг., стало открытие в Пекине официальной военной агентуры. Первым военным агентом России в Китае стал подполковник ГШ В. А. Бодиско, исполнявший служебные обязанности в 1881–1883 гг. [15, с. 178]. После него военными агентами в Китае были генштабисты Н. Я. Шнеур в 1883–1886 гг., до 1892 г. Д. В. Путята и до 1903 г. К. И. Вогак [16, с. 178].

Основным документом, определяющим порядок службы на должности военного агента в рассматриваемый период, была «Инструкция военным агентам и лицам их замещающим» от 18 декабря 1880 г., утвержденная военным министром [17, с. 445–448]. В ней указывались главные направления, на которые должен был обращать внимание легальный разведчик военного ведомства России.

Кадровый портрет военных дипломатов России в Китае на протяжении первых 14 лет их деятельности в 1881–1894 гг. мало отличался от агентов российского Военного министерства в Европе. Все агенты, занимавшие этот пост в Китае, были генштабистами, дворянами по социальному происхождению. Одним из условий назначения в Китай на должность военного агента было знание ими английского языка [14, л. 11]. До назначения военными дипломатами Н. Я. Шнеур, Д. В. Путята и К. И. Вогак исполняли обязанности младших делопроизводителей ВУКа, т. е. имели отношение непосредственно к военно-разведывательной службе. Был использован их опыт аналитической работы с материалами, поступившими от военных агентов из-за рубежа. Двое из них – В. А. Бодиско и Н. Я. Шнеур – принимали участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Трое – Н. Я. Шнеур, Д. В. Путята и К. И. Вогак – сделали себе карьеру службой на Востоке и в дальнейшем занимали высокие посты благодаря тому, что стали военными экспертами по странам Восточной Азии. Срок пребывания агентов в Китае был разным. В. А. Бодиско и Н. Я. Шнеур исполняли должность агента Военного министерства 2 и 3 года соответственно, Д. В. Путята – 6 лет в 1886–1892 гг., К. И. Вогак – 11 лет (в 1892–1903 гг.).

Для сбора разведывательной информации военного характера агенты использовали различные формы и методы. Так, В. А. Бодиско и Д. В. Путята были преимущественно сторонниками личного ознакомления с ситуацией в различных сферах военного дела Китая и совершали длительные командировки по стране. Н. Я. Шнеур и К. И. Вогак совмещали личное наблюдение с агентурной работой, вербуя европейских специалистов, служивших китайскому правительству.

По данным о финансировании военных агентов России восточноазиатское направление в то время не было приоритетным. Денежное содержание военного агента в Китае составляло 5 000 руб. в

год, дополнительно на «негласные расходы» отпускалось от 1 500 до 3 000 руб. [18, л. 4]. Работающие в Европе военные агенты России финансировались лучше. К примеру, содержание военного агента в Вене полковника ГШ Н. В. Каульбарса составляло 8 727 руб. золотом в год [19, с. 144]. Однако, несмотря на сравнительно небольшие финансовые расходы на содержание официальной военной агентуры в Китае, эта форма разведывательной деятельности была в этот период, по мнению командования, наиболее эффективной формой сбора информации в Восточной Азии.

Официальные военные агенты в Китае сталкивались с трудностями по сбору информации агентурным путем в связи со спецификой страны. Н. Я. Шнеур к таковым относил хаотическое состояние военного дела в Китае, отсутствие учета войск в европейском понимании, вследствие чего, по мнению военного дипломата, даже точные сведения, добытые разведкой, были крайне приблизительны. Затрудняло агентурную работу и отсутствие центральных учреждений в военной структуре Китая.

Не менее важной проблемой для разведки в Китае являлось отношение местного населения к иностранцам. Организации агентурной работы мешал низкий культурный уровень тайных агентов из китайцев, не способных разобраться в военных вопросах. Эти причины вынуждали обращаться к поиску информаторов в среде европейских специалистов, нанятых на службу правительством Китая. Сбор информации усложнялся слежкой, которую организовывали китайские власти с целью помешать нелегальному сбору материала [14, л. 121–123].

Важной проблемой изучения вооруженных сил Китая было исследование структуры, способов комплектования и пополнения армии, которые абсолютно отличались от принятых в Европе и США. Особый интерес для агентов представляла задача определения эффективности военных реформ в Китае, проводимых в рамках политики «самоусиления», основой которой стало перевооружение китайских войск, а также обучение их европейскими инструкторами [20, с. 302]. В 80-е – начале 90-х годов XIX в. решающую роль в обучении китайских подразделений стали играть немцы. Данные о качестве обучения войск Китая немецкими военными специалистами постоянно были на контроле военных агентов России [21, с. 56].

Важным моментом в организации разведывательной работы в Китае было взаимодействие с Морским министерством. Большие расстояния и наличие только одного военного агента в этой стране приводили к мысли об использовании для сбора информации боевых кораблей и офицеров российского флота. [22, с. 142; 23, с. 19].

Взаимоотношения Военного министерства с МИДом России были сложнее. Отношение дипломатов к военным отличалось определенной натянутостью. Сотрудники МИДа были уверены, что

военные видели своей целью пребывания в Китае лишь быструю карьеру, создаваемую в колониальной обстановке [24, с. 66].

С мая 1894 г. начинается резкое обострение японо-китайской борьбы за влияние в Корее, связанное с вводом войск Китая для оказания помощи корейским властям в подавлении восстания Тонхаков [25, с. 113]. До победы японской армии над Китаем в войне 1894–1895 гг. ВУК не ориентировал агентов на изучение вооруженных сил этой страны. Но уже в конце 80-х – начале 90-х годов XIX ст. с Дальнего Востока начала поступать информация об успешных реформах в Японской империи. В связи с этим в феврале 1893 г. военный агент в Китае К. И. Вогак был официально назначен исполнять обязанности и в Японии параллельно с наблюдением за китайской армией [26, с. 152].

Наряду с некоторыми успехами в разведывательной деятельности военной агентуры России в Восточной Азии оставались и недостатки в ее организации. В частности, ни один из военных дипломатов при назначении на должность не владел китайским, японским или корейским языками. Отсутствовала специальная разведывательная подготовка в учебной программе академии Генштаба [27, с. 151]. Тайная агентурная работа Н. Я. Шнеура и Д. В. Путяты в Китае оказалась неэффективной [28, с. 177]. Ни В. А. Бодиско, ни Н. Я. Шнеур не смогли создать военно-статистического описания Китая, что считалось негативным показателем работы генштабиста в то время.

Военные агенты понимали необходимость улучшения разведки в Восточной Азии и предлагали командованию планы по модернизации разведывательной службы, форм и методов разведывательной деятельности. Так 14 мая 1885 г. управляющий ВУК генерал-майор ГШ Ф. А. Фельдман ссылаясь на усиление внимания Великобритании, Франции и Германии к азиатским странам, направив докладную на имя военного министра с предложениями об улучшении разведывательной службы. [29, л. 1–10]. Предлагал улучшить состояние военной разведки в Азии и полковник ГШ Д. В. Путята. Он хотел направить военных инструкторов в Китай и обращал внимание на изучение китайского, корейского и японского языков на восточном факультете Петербургского университета [30, л. 23]. Однако в период царствования Александра III сокращение ассигнований на Военное министерство не дало военным возможность реализовывать свои замыслы по реформированию ведомства [31, с. 230].

Подводя итог разведдеятельности военной агентуры России в Восточной Азии, следует отметить, что период с 1881 по 1894 гг. был временем становления этой формы функционирования военной разведки в регионе. Основным объектом сбора информации военными агентами был Китай. За эти годы, несмотря на существенные недостатки в организации работы, они сумели своевременно и

достаточно полно собрать материал о его военных возможностях. Без сомнения, военные агенты внесли существенный вклад в изучение войск Китая. Служебные документы, поступавшие в ВУК, свидетельствовали о том, что возможности по изучению армий Японии и Китая, возникшие вследствие японо-китайской войны 1894–1895 гг., были полностью реализованы К. И. Вогаком. Наряду с разведкой военных округов и анализом прессы в ВУКе, военная агентура имела важное значение для обеспечения сбора информации Главным штабом военного ведомства и являлась весомой составляющей развединформации о вероятных противниках России в Восточной Азии.

Список использованной литературы

1. **Очерки** истории российской внешней разведки : в 6 т. / под ред. Е. М. Примакова. – М. : Междунар. отношения, 1996–. – Т. 1 : От древнейших времен до 1917 года. – 1996. – 240 с. 2. **Добычина Е. В.** О происках Токио в Корею на рубеже XIX–XX вв. исправно докладывал в Санкт-Петербург Генерального штаба подполковник И. И. Стрельбицкий / Е. В. Добычина // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 3. – С. 84–90; Добычина Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX веков / Е. В. Добычина // Вопросы истории. – 1999. – № 10. – С. 123–138; Добычина Е. В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах / Е. В. Добычина // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 161–169. 3. **Каширин В. Б.** «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного Штаба Российской империи во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. / В. Б. Каширин // Русско-японская война 1904–1905 : Взгляд через столетие : междунар. ист. сб. / [под ред. О. Р. Айрапетова]. – М., 2004. – С. 150–183. 4. **Алексеев М. Н.** Военная разведка России от Рюрика до Николая II / Михаил Алексеев. – М. : Русская разведка : Евразия+, 1998–. – Т. 1. – 1998. – 432 с.; Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II / М. Н. Алексеев. – М. : Вече, 2010. – 480 с. 5. **Marshall A.** The Russian General Staff and Asia, 1800–1917 / Alex Marshall. – L. ; N.Y. : Routledge, 2006. – 274 p.; Меннинг Б. Просчеты в оценке врага: военная разведка России накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. / Брюс Меннинг // Петр Андреевич Зайончковский : сб. ст. и восп. к столетию историка. – М., 2008. – С. 701–727; Haruki W. Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan / Wada Haruki // The Russo-Japanese War in Global Perspective : World War Zero. – Leiden ; Boston, 2007. – Vol. II. – P. 13–45. 6. **Звонарев К. К.** Агентурная разведка. Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. : в 2 кн. / К. К. Звонарев. – М. : БДЦ-пресо, 2003–. Кн. 1. – 2004. – 304 с. 7. **Алексеев М. Н.** Военная разведка России от Рюрика до Николая II / Михаил Алексеев. – М. : Русская разведка : Евразия+, 1998–. – Т. 1. – 1998. – 432 с. 8. **Бабков И. Ф.**

Воспоминания о моей службе в Западной Сибири, 1859–1875 гг. Разграничение с Западным Китаем 1869 г. / И. Ф. Бабков. – СПб. : Тип. Киришбаум, 1912. – X, 575 с. 9. **Российский** государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 447, оп. 1, д. 22, 115 л. 10. **РГВИА**, ф. 447, оп. 1, д. 12, 83 л. 11. **Хохлов А. Н.** Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. / А. Н. Хохлов // Вопросы истории и историографии Китая : сб. ст. – М., 1968. – С. 203–244. 12. **Мерк М. В.** Китайская армия во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] / М. В. Мерк. – Режим доступа: <http://rubicon-club.narod.ru/kitay.doc>. – Заглавие с экрана. 13. **РГВИА**, ф. 447, оп. 1, д. 12, 83 л. 14. **РГВИА**, ф. 447, оп. 1, д. 11, 202 л. 15. **Глиноецкий Н. П.** Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба / Н. П. Глиноецкий. – СПб. : Тип. Штаба войск гвардии и Петерб. воен. округа, 1882. – 385 с. 16. **Басханов М. К.** Русские военные востоковеды до 1917 г. : библиогр. словарь / М. К. Басханов. – М. : Вост. лит., 2005. – 295 с. 17. **Сергеев Е. Ю.** Не подлежит оглашению : Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914 / Е. Ю. Сергеев, А. А. Улунян. – М. : Реалии-Пресс, 2003. – 480 с. 18. **РГВИА**, ф. 846, оп. 4, д. 17, 37 л. 19. **Асиновская М. Ю.** Русская военная разведка на Балканах в конце XIX века / М. Ю. Асиновская // Вопросы истории. – 2002. – № 11. – С. 142–155. 20. **Фань Вэнь-лань.** Новая история Китая, 1840–1901 / Фань Вэнь-лань. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955–. – Т. 1. – 1955. – 600 с. 21. **Тихвинский С. Л.** Политика «самоусиления» правящих кругов Китая (1860–1896 гг.) / С. Л. Тихвинский // Вопросы истории. – 1969. – № 4. – С. 78–99. 22. **Укрепления** в устьях реки Пейхо // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1885. – Вып. 14. – С. 142–152. 23. **Вогак К. И.** Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака / Вогак // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1895. – Вып. 60. – С. 1–204. 24. **Соловьев Ю. Я.** Воспоминания дипломата, 1893–1922 / Ю. Я. Соловьев. – Минск : Харвест, 2003. – 416 с. 25. **Табохаси Киеси.** Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.) / Табохаси Киеси. – М. : Изд-во иностр. лит., 1956. – 608 с. 26. **Каширин В. Б.** «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного Штаба Российской империи во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. / В. Б. Каширин // Русско-японская война 1904–1905 : Взгляд через столетие : междунар. ист. сб. / под ред. О. Р. Айрапетова. – М., 2004. – С. 150–183. 27. **Игнатъев А. А.** Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатъев. – М. : Воениздат, 1986. – 752 с. 28. **Петровский Н. Ф.** Туркестанские письма / Н. Ф. Петровский ; отв. ред. В. С. Мясников, сост. В. Г. Бухерт. – М. : Памятники ист. мысли, 2010. – 358 с. 29. **Российский** государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 846, оп. 4, д. 10, 66 л. 30. **РГВИА**, ф. 846,

оп. 4, д. 34, 82 л. 31. **Зайончковский П. А.** Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903 / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1973. – 351 с.

Фалько С. А. Становлення військово-дипломатичної служби Російської імперії в Китаї (1881 – 1894 рр.)

Стаття присвячена комплексному дослідженню діяльності розвідувальної служби Військового міністерства Російської імперії в Китаї наприкінці XIX ст. Дослідження обумовлено необхідністю узагальнення історичного досвіду функціонування важливого елемента військової розвідки – військової агентури – у період зовнішньополітичної активізації Росії у Східній Азії. У дослідженні висвітлені питання, пов'язані з особливостями функціонування легальної військової агентури у специфічних умовах східноазіатської цивілізації. Визначена результативність збору матеріалів розвідувального характеру за допомогою вивчення європейської, американської та азійської преси центральними органами служби розвідки.

Ключові слова: Російська імперія, Китай, військово-розвідувальна служба, Генеральний штаб, військові агенти.

Фалько С. А. Становление военно-дипломатической службы Российской империи в Китае (1881 – 1894 гг.)

Статья посвящена комплексному исследованию деятельности разведывательной службы Военного министерства Российской империи в Китае в конце XIX в. Исследование обусловлено необходимостью обобщения исторического опыта функционирования важного элемента военной разведки – военной агентуры – в период усиления внешнеполитической активности России в Восточной Азии. В исследовании рассматриваются вопросы, связанные с особенностями функционирования легальной военной агентуры в специфических условиях восточноазиатской цивилизации. Определена результативность сбора материалов разведывательного характера при помощи изучения европейской, американской и азиатской прессы центральными органами службы разведки.

Ключевые слова: Российская империя, Китай, военно-разведывательная служба, Генеральный штаб, военные агенты.

Falko S. A. Formation of Service of Military Attaches of the Russian Empire in China (1881 – 1894)

The article is devoted to complex research of intelligence services' activity of the Russian Empire War House in China late of XIX century. The research was necessitated by the need to generalization the historical experience of operating the military intelligence during the period of increasing of Russia's foreign activity in the East Asia. The research deals

with the questions that concern to special features of operating of legal military agentry intelligence service among the East Asian civilization. The effectiveness of collection of intelligence data by the mean of studying of the European, American and Asian press is detected.

Keywords: Russian Empire, China, military intelligence service, General Staff, military agents, armed forces.

Стаття надійшла до редакції 13.11.2012 р.

Прийнято до друку 29.11.2012 р.

Рецензент – к. пед. н., полковник Рютін В. В.